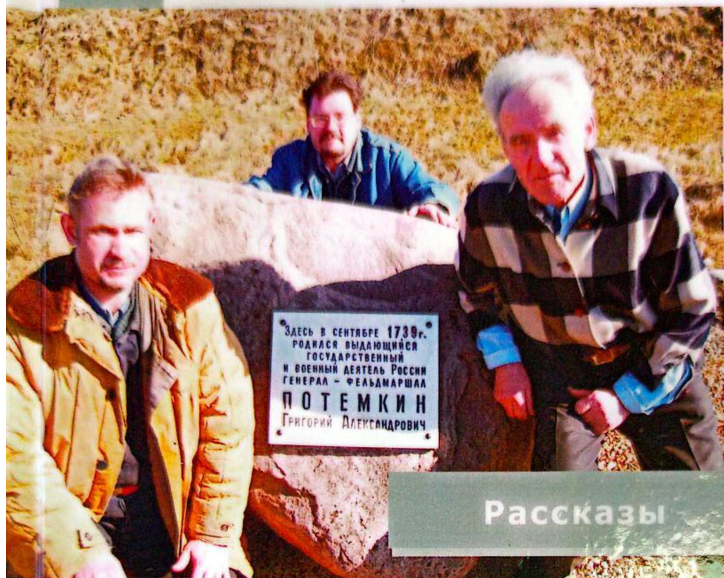

Рассказы

Андрей Зензин

Чудны дела твои,
ГОСПОДИ...

Андрей Зензин
ЧУДНЫ ДЕЛА
ТВОИ, ГОСПОДИ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73064353
SelfPub; 2026*

Аннотация

В душе каждый человек верит в Бога. Одни – прилюдно неистово бьют земные поклоны каждому православному кресту, другие вспоминают о грехах и пытаются откупиться от своей совести перед ближними, а третьи – просто верят в душе. А о том, что его помощники на небесах (Ангелы-Хранители) постоянно присматривают за своими подопечными на Земле, людям знать не обязательно. Они незримо сопровождают нас от рождения до смерти, помогая в трудный момент правильно выбранным решением.

Андрей Зензин

ЧУДНЫ ДЕЛА

ТВОИ, ГОСПОДИ

ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ...

Моим родителям посвящается.

**И ветвью счастья, и цветком любви
Украшен Древа жизни ствол.
Но корни!
Без них засохнет ветвь, падут цветы.
Мечтай о счастье, о любви и ты!
Но помни: корень жизни –
ДОЛГ!**

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Жизнь – интересная штука!!!

То она к тебе повернется боком, то ты к ней как-то пристроишься. А там, глядишь, всем будет хорошо!

Я долго не решался взять в руки ручку-самописку, а, тем более, опубликовать данное произведение (по старинке бью по клавиатуре двумя пальцами, а интернета до сих пор в

наличии нет). Считаю, что немногие современные писатели снизойдут до того, чтобы ознакомиться с начертанным. А уж ждать отзыва о публикации корифеев пера – упаси Господи! Да и Бог с ними!

Это обращение к Всевышнему, от случая к случаю, еще неоднократно будет фигурировать в изложении, прошу с этим смириться.

Чудная правда моей жизни позволила не только лично пережить все написанное, но и стать тем, кем в настоящее время и являюсь.

Довольно средний уровень заработной платы (не по статистике РФ, а по факту) позволяет решить только внутрисемейные экономические проблемы. Чтобы подняться на более качественный уровень, позволяющий стать не только «врачом-машиной» (что увижу – то пишу), но и сравнивать выявленные изменения с клиникой заболевания, пришлось немало потрудиться. Потом, кровью и техникой выполнения исследований я сам себе создал имидж, который только потом, спустя годы, начал работать на меня.

В душе каждый человек верит в Бога. Одни – прилюдно неистово бьют земные поклоны каждому православному кресту, другие вспоминают о грехах и пытаются откупиться от своей совести перед ближними (Смоленская область, Дорогобужский район, Болдин монастырь), а третьи – просто верят в душе. А о том, что его помощники на небесах (Ангелы-Хранители) постоянно присматривают за своими

подопечными на Земле, людям знать не обязательно. Они незримо сопровождают нас от рождения до смерти, помогая в трудный момент правильно выбранным решением.

Если Ангел не ленив, то он становится своеобразным «путеводителем» по жизни, способствуя и здоровью, и карьерному росту. Но стоит ему немного отвлечься – начинаются различные проблемы. А уж если он надумает поспать или взять отпуск (даже Ангелам нужно отдыхать) – случается непоправимое...

Пусть же каждому из нас попадется Ангел-трудоголик, который даже во время сна в полглаза будет контролировать тебя!

ГЛАВА 1.

«Ну что ж, самое главное сделано. Я родился.
Остальное должно быть проще...»

Бернар Вербер.

С чувством глубокой гордости имею вам сообщить, что родился я в 1967 году в славном древнем городе Среднерусской полосы России – Смоленске. И гордость эта состоит не в том, что я своим появлением на свет осчастливил один из городских родильных домов города с более чем 1150-ти летней историей, а в том, что этот город не оттолкнул меня, а

принял в свою семью, как одного из детей. В чем неоднократно имел возможность в дальнейшем убедиться. Почетное звание города-героя, после многократных ходатайств к Правительству СССР, было присвоено ему только более чем 40 лет спустя!

Предполагать о том, как поселения славян недалеко от истоков реки Днепр приняли статус городского посада (город основан в 863-м году) предоставляю историкам. И почему он был так назван – пусть тоже они расскажут. Знаю только то, что в начале 17-го века (Смутное время) царем Федором Иоанновичем был издан высочайший указ возвести вокруг города крепостную стену, являвшуюся на то время шедевром оборонительного строительства, «ключ-городом» для Москвы перед Западом.

Зодчий Федор Конь в течение нескольких лет умудрился не только создать впервые в мире фортификационные сооружения нового образца, которые практически невозможно было разрушить имеющимся в то время оружием, но и безвинно пострадать за поддержку строителей в голодные годы. Практически вечный монолит чудо-архитектора и гения (длиною около 12,5 км, толщиной стен до 6 метров, с 38 башнями по периметру) позволил пережить и польско-литовско-немецкое нашествие в 1612 году, и Отечественную войну 1812 года с французами, и Великую Отечественную войну 1941-45 годов.

Кстати, после окончания строительства крепостной сте-

ны работу «принимал» представитель царского двора и родственник самодержца по линии жены царя – Борис Годунов, проехав на тройке лошадей по самой стене (ширина позволяла). Чуть позже главный «песеголовый метельщик» опричнины сам занял царский трон.

Технические подробности долговечности крепостной стены подробно изложены в художественно-историческом произведении В. Р. Мединского «Стена».

Маленькое отступление от основной темы позволил себе только потому, что этот город – мой по рождению, мой – по жизни, и хотя бы несколько слов в качестве благодарности должен выразить ему за то, что он позволил мне стать его очередным жителем.

Итак, я родился...

Господь вдохнул в меня жизнь и позже дал полюбоваться на свое творение. В православном календаре дата рождения совпала с праздником, который называется Успением Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Моя мама, коренная смолянка, появилась на свет в том же роддоме, что и я. Это у нас наследственное. Спустя 4 года после моего рождения она вернулась сюда, чтобы подарить мне сестру – по воле судьбы ей досталось то же родильное отделение. А еще через 25 лет в нем нашлось вакантное место и для моей племянницы.

С отцом же оказалось все не так просто. Родившись в одной из деревень отдаленного от цивилизации района Кеме-

ровской области, ему, одному из 8-ми детей, удалось получить высшее (пусть и военное) образование в Уссурийском автомобильном училище (а это уже – Дальний Восток). Только спустя многие годы, в век интернета (спасибо друзьям), удалось выяснить, что моя непростая фамилия, имеющая корни китайского происхождения, ранее разделялась дефисом на два равнозначных слога и переводилась как «женьшеневый».

Как известно, женьшень, корень жизни, растет долго и нудно, входит в состав многих лекарственных препаратов. Возможно, что наследники моей фамилии (точнее – я их наследник) в качестве эмигрантов и мигрантов прошли многокилометровый путь от Китая до Уральской гряды, чтобы осесть там окончательно. Во всяком случае, в европейской части России однофамильцы не встречались.

За всю мою жизнь только один раз обнаружил эту фамилию на панорамной стеле железнодорожной станции города Барнаул (Алтайский край), посвященной жителям города, павшим в Великой Отечественной войне. По указанным инициалам однофамильца отец категорически отверг принадлежность его к нашей родственной ветви. Но то-то и оно, что это всего лишь родственная ветвь! При наличии 8-ми детей в семье (пусть половина – мальчики, наследники фамилии) и определенного временного срока (100-200-300(?) лет), даже при самых неблагоприятных обстоятельствах (болезни, голод, агрессия со стороны природы и людей), имеет-

ся высокая математическая вероятность дойти с той стороны Амура не только до Алтайского края, но и расселиться по всей Сибири. Что и было доказано жизнью.

Итак, при рождении мне досталась жизнеутверждающая фамилия, и должен был достаться крепкий духом и телом Ангел-хранитель (попробуй выжить в тайге!). Тот, кто прикроет своим крылом в трудный час и огородит от напастей.

Босоное, голозадое детство (буквально спустя несколько месяцев после рождения, когда восторженно смотришь на окружающий тебя мир глазами по 7 копеек неразменной монетой и начинаешь делать первые шаги) прошло у меня сначала в городе Запорожье Днепропетровской области (Украина), а потом и в самом Днепропетровске (отца перевели на новое место службы).

Несколько воинских частей железнодорожных войск располагались на окраине города. Семьи военнослужащих проживали в двух военных городках, отличающихся удаленностью от центра города, комфортностью жизни и количеством проживающих в них. Естественно, в первом, ближайшем от цивилизации (т. е. от шоссе с общественным транспортом – маршруток не было и в помине) военгородке проживала «элита» офицерского состава (от капитана и выше). Количество обитающих в нем сейчас можно сравнить с очень маленьким поселком Смоленской области, например, Новодугино. Из-за скученности населения «приусадебные» огородные участки (жить на Украине и не вскопать грядку – пре-

ступление) были минимальных размеров, и «расшириться» можно было только за счет соседа-неудачника (по различным причинам).

Второй же, более отдаленный военгородок имел в наличии не более 2-х десятков однотипных домов, расположенных по обе стороны единственной улицы. Земельные участки были побогаче, и, самое главное, – обширные площади ничейной земли, что позволяло нам, детям, воплощать свои необузданные фантазии в жизнь. Мне достался городок №2.

Жилищные условия у всех были одинаковые: одноэтажный деревянный дом (мы их называли «финскими») на 4 семьи, обложенный снаружи в половину силикатного кирпича; кухня с газовой плитой и отопительным котлом АГВ-80; две проходные комнаты и веранда. В доме только холодная вода, на улице – летняя душевая кабина и туалет надворный типа «сортир».

Банный день превращался в целую церемонию. В двух 5-ти литровых кастрюлях на 2-х конфорочной газовой плите грелась вода, разбавлялась холодной до нужного температурного режима в детской эмалированной ванне. Только после этого с криками «горячо!» начинался сам помывочный процесс с последующим обливанием из ковшика.

Как известно, воспоминания самого раннего детства с возрастом стираются. В памяти остаются только стрессовые ситуации для ребенка, которые запоминаются на всю оставшуюся жизнь. Таких воспоминаний у меня осталось несколь-

ко.

Помню себя, сидящим в ванне при помывке, настойчиво рассматривающим и ковыряющим пальцем россыпь сгруппированных в одном среднеинтимном месте (локализацию указывать не буду, чтобы не сглазили – «тьфу-тьфу-тьфу») пигментных (так называемых «родимых») пятен и настойчиво задающим вопрос: «Мама, а что это?» И слышу ответ: «Это тебя Боженька пометил. Все у тебя будет хорошо». Этот наивный ответ вполне удовлетворял ребенка 2-3-х летнего возраста до следующего принятия водных процедур (вопрос настойчиво муссировался), и абсолютно не задумывающегося о том, кто оставил на нем свой знак.

Смутно помню себя пасмурным ненастным днем весной 1972 года стоящим во дворе дома по проспекту Гагарина в Смоленске. Причина более чем тривиальна – Крещение меня и моей сестры, родившейся полгода назад. Ради такого случая вся наша семья внепланово (обычно мы посещали бабушку по материнской линии один раз в четыре года) вернулась в город знакомства моих родителей и моего рождения. Пока сестру снаряжали в праздничный розовый «кулек», мне было велено ждать во дворе дома, и я, тоже празднично одетый, никак не мог понять, из-за чего весь «сыр-бор». А так хотелось влезть в сверкающих новых ботинках в уже активно тающие сугробы! Я сдержался. Во всяком случае, подзатыльников по поводу нарушения этикета получено не было. А может быть, из-за торжественности момента

родители этого не заметили, и нас двоих («за компанию») окрестили в Успенском соборе.

Хочу вам напомнить, что в те времена любой акт православного «действия» был чреват наказанием по партийной линии. В первую очередь это касалось моего отца, который, хоть и имел всего лишь воинское звание старшего лейтенанта, находился под негласным надзором своего заместителя командира по политической части (замполита) – даже на расстоянии. Нарушением «кодекса» коммуниста отец мог заработать себе кучу взысканий и, как следствие, отсрочить получение очередного воинского звания.

Маме было проще. Она, уже имея среднее медицинское образование, вынуждена была стать домохозяйкой (раньше это называлось – отпуск по уходу за ребенком). Основной ее заботой оставались мы (а хлопот было более чем достаточно), домашнее хозяйство (в том числе и огородные проблемы), а при случае, – подработка уборщицей в амбулатории воинской части по месту проживания.

Объездив многие монастыри и церкви Смоленщины и Белоруссии много лет спустя, я неоднократно встречал людей преклонного возраста, которые только собирались пройти обряд Крещения. Мне искренне было их жаль. Они только начинали жить в согласии с Богом, а мой Ангел-Хранитель был активизирован давно и постепенно расправлял свои крылья.

Буквально полгода спустя случилась неприятность. Как

уже сообщал, в Днепропетровске мы жили вдали от «цивилизации». При совместном возвращении в выходные дни с родителями из парка или кинотеатра сказывалась усталость детских ног и я норовил проехаться на шее отца. Но как только показывались знакомые очертания строений 2-го городка, усталость как рукой снимало. Дальше двигался на своих двоих вприпрыжку, далеко убегая от родителей. А чего бояться? Уже почти дома! Во время одной из таких пробежек был напуган соседской собакой, которая, внезапно выскочив из-за кустов сирени, поставила передние лапы мне на грудь и начала лаять прямо в лицо. Собаку отогнали (укусов не было), меня успокоили.

Спустя несколько дней началась проблема с дикцией. К уже существующему нарушению правильного произношения буквы «Эр» (большинство дошкольников подвержены этому) добавилось активное заикание, нарастающее день ото дня.

Несмотря на медицинское образование, мама не стала отдавать меня в руки логопедов, а начала активную деятельность по поиску людей с экстрасенсорными способностями, так называемых народных целителей («Битва экстрасенсов» на ТНТ еще покурит!). Насколько могу помнить, за год мы побывали у трех «бабок»: двух нашли в Днепропетровске и его пригороде, а третью – в Смоленске. Одна из них настаивала какие-то травы, накрывала меня прозрачной полиэтиленовой пленкой и брызгала в лицо метелкой, окуная перед

этим ее в настой. Вторая катала ладонью по тарелке сваренное вкрутую куриное яйцо, скармливая мне его потом по куточкам. А третья, подержав меня за руку и глядя в глаза, выдала банку «святой воды» с рекомендациями к ее употреблению. Разумеется, все трое что-то пошептали, но это остается на их совести. Какая из них оказалась более «сильной» (а может быть, сказался аккумулялирующий эффект), не могу сказать, но буквально год спустя вся моя «хвороба» прошла, правда, спустя еще длительное время появлялось временное легкое заикание при повышенных эмоциях.

С тех пор я очень настороженно отношусь к собакам любого размера и породы, ожидая от них очередного подвоха. Дважды эти четвероногие друзья человека покушались на мои ноги – спасли резиновые сапоги с высокими голенищами.

Маленькое отступление.

Мне – четыре года, семья находится в Смоленске. Пока мама временно пребывает в роддоме, мы с отцом развлекаемся, как можем. Максимальный выход детской энергии дают подвижные игры, чем мы и занимаемся каждый вечер, играя в салки на пустыре во дворе дома. Во время пробежки отец наступает на один из концов причудливо изогнутой арматурной проволоки, а ее другой, присвистнув заданным ускорением и царапая зубную эмаль, насквозь пробивает мою верхнюю губу прямо под носом. Слезы, слюни, сопля и кровь вытирались методично, не торопясь, и я, слегка

отечный после травмы, выглядел вполне прилично при первой встрече с новорожденной сестрой.

Теоретически мог пострадать любой другой жизненно важный орган лица, но я отделался только небольшим белеватым шрамом, прикрытым, в последствии, пышной растительностью усов.

Насколько могу помнить, родственников со стороны отца из Кемеровской области мы посетили за всю жизнь только один раз, именно в дошкольном возрасте. Дед, держащий меня на коленях, чудо техники – часы-ходики с кукушкой на стене, круп лошади, маячащий перед глазами при езде в санях по скрипучему снегу, – вот и все воспоминания. По семейным обстоятельствам (так решили родители) наша связь прервалась и не восстановлена до сих пор.

К 6-ти годам, получая полноценное домашнее образование, я считал до двадцати и мог производить элементарные математические действия в виде сложения и вычитания в данном пределе, а также читал по слогам (иногда – по принуждению). В свете предстоящего школьного образования (коллективное воспитание), но вопреки моему мнению, был отдан в детский сад, располагавшийся по соседству с будущей школой. Это было трагедией...

Ввиду значительной удаленности военных городков от детского сада и школы, «доставка» дошколят и школьников (вместе с родителями) осуществлялась централизованно двумя автобусами (ПАЗ и ЛАЗ), выделенными воинской

частью, с промежутком в 1 час. В случае благосклонного к нам отношения водителя -«срочника» в автобус можно было сесть по месту его отправления, если же звезды ложились неблагоприятно, – идти около 3-х километров до следующего места посадки.

Езда до детского сада проходила без эксцессов, но стоило мне увидеть знакомые очертания небольшого бетонного забора, как начиналась истерика. Чуть ли не силком, с угрозами и слезами на глазах (моих и маминых), меня буквально затаскивали в группу и сдавали с рук на руки воспитателю. Со временем детский эгоцентризм был побежден, и я даже с удовольствием влился в свой первый коллектив перед школьной учебой.

ГЛАВА 2.

«Жизнь – то, что случается с нами,
пока мы строим планы на будущее»

Чак Паланик.

Обучение в начальных классах общеобразовательной средней школы № 85 г. Днепропетровска далось мне относительно легко. Этому способствовал уровень уже полученных домашних знаний и довольно строгая «учительница первая моя» – Раиса Николаевна. Преподавателей младших классов

(из-за скоротечности общения) обычно никто не помнит. Я же нижайше хочу преклонить голову перед тем, кто впервые не только привил мне относительную любовь к точным наукам, но и раскрыл широкие возможности русского языка». Благодаря ее стараниям слова перестали разбиваться на слоги, а богатое воображение позволяло домыслить фразу: «Мама мыла раму».

После окончания второго класса побывал в Москве. А случилось это так.

По причине отсутствия прямых авиалиний «Днепропетровск – Смоленск» сообщение между ними осуществлялось только железнодорожным транспортом. При этом были необходимы пересадки. Добраться можно было либо через Оршу (Беларусь), либо через Москву. Из-за меньшей загруженности мы предпочитали первый вариант, но однажды решили посетить и столицу, чтобы увидеться с какими-то дальними родственниками.

Чтобы не мешать общению родителей с ними за столом, с подарком в руках в виде большого металлического механического пистолета, стреляющего пинг-понговыми шариками, был отправлен во двор. В то время это был воистину царский подарок, и, не теряя времени, я его активно использовал по назначению. Дальше идут фрагменты съемки: открытый канализационный люк (наверное, уже тогда сдавались крышки в чермет) – упавшая ветка дерева, засунутая в него, во избежание аварийных ситуаций с автомобилями,

торцом вниз, – шарик, чудом удержавшийся на кроне этой ветви – и я, подходящий и наклоняющийся к нему, чтобы поднять «потерю». Потом вижу себя со стороны – по грудь в люке и с расставленными в стороны руками, благодаря которым (и, естественно, ветке) удержался на поверхности и не ухнул вниз. Глубину колодца уточнять не стал, а, используя удачно подвернувшиеся под ноги металлические скобы, уже целиком выбрался на поверхность. Дефицитный пинг-понговый шарик был безвозвратно утерян!

Итак, учеба в школе давалась мне легко. Во избежание тлетворности дворового воспитания, хотя особых причин для этого не было (но с целью профилактики), в 1976 году меня «отдали» в музыкальную школу по классу баяна. Уже в те времена маме хотелось видеть меня светилом хирургии в медицине. Как известно, для хирургов крайне важна подвижность и чувствительность пальцев, а что этому может способствовать лучше, чем не игра на музыкальном инструменте?

Выбор инструмента тоже был сделан неслучайно. Звучки скрипки коробили слух мамы, фортепиано бы занимало немалую площадь в нашем малогабаритном жилье, да и стоило недешево. Гитару, как и скрипку, на занятия нужно было носить свои, а это ограничивало мобильность езды в общественном перезагруженном транспорте. Кроме того, обучение на этих инструментах занимало 7 лет (по классу баяна – 5), что могло нарушить планы дополнительного образова-

ния в школе перед поступлением в ВУЗ.

Обучение предусматривало владение игрой на инструменте в течение всех пяти лет. На более поздних этапах – теоретические знания музыкальной литературы и нотной грамоты (сольфеджио), а также – работу в коллективе в виде оркестрового выступления или пения в хоре. Если за первый год музыкальной «науки», когда я усердно «наяривал» различные гаммы на взятом напрокат, частично расстроенном и великовозрастном для меня баяне (над инструментом виднелась только макушка головы), судить о способностях было затруднительно, то позже пришло прозрение о полном отсутствии голоса и слуха. В дальнейшем это привело к полной апатии, но, несмотря на возникшие трудности, я твердо решил закончить начатое музыкальное образование (уже был приобретен в личное пользование баян «Этюд»!).

Все проблемы потихоньку разрешились самым благоприятным образом (кто-то подсказал или помог?). Элегии, вальсы и марши (после многочисленных тренировок) исполнялись по памяти. Это касалось как индивидуальных выступлений на сценах актовых залов больниц и госпиталей, приуроченных к различным праздникам, так и коллективного творчества. Даже спустя несколько десятилетий, когда баян попадался мне в руки изредка, память услужливо подсовывала наигрыш той или иной мелодии, а пальцы (хоть уже и коряво) продолжали ее выводить.

Воспроизведение по памяти трагических биографий (а

большинство из них были трагическими) композиторов прошлого и настоящего на уроках музыкальной литературы не вызывало особых затруднений. Прерогатива оставалась за единственным выступающим, который, с наиболее грамотным и доступным изложением, мог к концу повествования на глазах слушателей выжать слезы радости и гордости за него, говорившего, и слезы грусти за безвозвратно ушедшее прошлое.

Уроки сольфеджио дались не сразу. Только после окончательного анализа математических принципов построения различных аккордов и септ-аккордов (неужели что-то еще помню!), в нотной грамоте я стал «плавать» как рыба в воде. За отведенное на контрольные работы время успевал сделать не только свое задание, но и «нарисовать» на нотном листе правильное решение четверем близлежащим соседям (увы, это был мой предел).

Хор как источник коллективного песенного самовыражения отпадал однозначно. При неоднократных потугах (как в музыкальной, так и в общеобразовательной школах) высказать лично наболевшее голосом мне настойчиво указывалось место в хоре: стоять позади всех и петь «вполсилы»!

Данная проблема решилась путем выбора оркестра баянистов-аккордеонистов, который я начал посещать со 2-го класса музыкальной школы. Здесь существовало золотое правило жизни – «не высовывайся!», так как это могло навредить всему коллективу. Пройдя за четыре года путь про-

фессионального роста (тенор – альт – 2-я партия – 1-я партия), стал дипломантом Республиканского конкурса Украинской ССР. Следующим этапом должно было стать выступление в Киеве, но что-то там не сложилось.

По моему малолетству Дворец культуры имени Ильича, где проходили воскресные 2-х часовые занятия с оркестром, посещал совместно с мамой. Пятиэтажное здание, построенное в стиле широких «сталинских» размахов, вмещало в себя не только всевозможные спортивные секции, оркестровый зал, но и библиотеку. Именно в ней мама и коротала два часа занятий, постепенно подружившись с заведующей. Только благодаря этому знакомству я смог приобщиться к настоящей художественной литературе (сказки всего мира школьной библиотеки были давно прочитаны и не вызывали никакого интереса). Кульминацией приобщения к прекрасному считаю прочтение в 10-ти летнем возрасте «Трех мушкетеров» Александра Дюма (четыре тома из двенадцати, в яркой обложке красного цвета). Попытка прочтения следующего, 5-го тома («Изабелла Баварская», «Королева Марго»), ограничилась 17-ой страницей – малолетний ум не смог воспринять дворцовых перипетий французского королевского двора того времени.

Красота и глубина художественного слога позволили мне по-новому взглянуть на мир поэзии. Все прочитанное ранее воспринималось сознанием под другим ракурсом. Спустя несколько лет даже сделал робкую попытку публикации

своих «виршей» в «Пионерской правде». Надо отдать должное издательству: оно ответило на мое письмо отрицательно, но с рекомендациями «побольше читать Пастернака и Петрарку». До сих пор где-то в анналах семейной хроники хранится этот документ.

Сказать о том, что я был правильным со всех сторон, было бы неправдой. Как и большинство сверстников моего времени, после решения всех домашних проблем, мы встречались «на улице» для дальнейшего общения. И тут уж фантазиям и их частичному воплощению в жизнь не было границ.

В течение учебного года, как правило, наши встречи (в зависимости от сезона) ограничивались футболом, волейболом, ездой на велосипеде и хоккеем. При этом хоккейная «коробка» собиралась нами из снега совковыми лопатами, а игра шла шайбой, мячом для большого тенниса или просто бильярдным шаром. Команда собиралась разновозрастная (от 10 до 16 лет), поэтому самым маленьким «на орехи» доставалось больше всех. Тут уж выживал, как в джунглях, не только самый сильный, но и самый хитрый. От травм старались предохраниться старыми отцовскими валенками и даже маской газоэлектросварщика с удаленным затемненным стеклом и куском сетки вместо него.

Летом раздолье было большим. Собрав воедино группу оставшихся свободными от поездок к бабушкам и дедушкам, мы, вооружившись шанцевым инструментом, активно рыли ямы, окопы и траншеи, предполагая, что в дальнейшем бу-

душем они смогут стать шалашами, «схронами», командной рубкой подземного «Наутилуса», и, даже, бассейном. В более старшие годы пересеченный ландшафт годился в качестве полосы препятствий, которые мы, как настоящие солдаты, преодолевали с противогазами (но без фильтр-коробки) и с самодельным «оружием» в руках.

Оружие вырезалось каждым индивидуально из обрезка половой доски. С помощью авиационной резинки (вариант арбалета) по торцевому пазу «самострела» в полет отправлялся изогнутый под острым углом кусок заранее приготовленной алюминиевой проволоки, «скобки». При неудачном попадании могли возникнуть серьезные травмы, вплоть до потери зрения. Противогазы заимствовали на слабо охраняемых складах (или мы такими проворными были?) расположенной по соседству от военного городка воинской части. Их разделял только небольшой забор из силикатного пустотелого кирпича, который мы научились преодолевать, как и «полосу препятствий», с разбега.

Кроме того, летний период сопровождался активным посещением заброшенных и полузаброшенных фруктовых садов (люди стали разъезжаться, городок – пустеть) с целью сбора яблок, абрикосов, груш, вишни и черешни.

В старшем возрасте мы пристрастились к «пугачам». Сия конструкция представляла собой кусок «Г-образно» изогнутой полый медной трубки, набиваемой серой с головок спичек в удлиненной ее части. Выстрел производился путем на-

жания на кусок авиационной резины, взведенной «на растяг» между этой трубкой и такой же формы обычным гвоздем, вставленным внутрь трубки. При передозировке серной массы (для более громкого хлопка) и износе трубки возрастал риск травматизации в виде рваной огнестрельной раны кисти.

Несколько лирическое отступление от главной темы позволил себе только для того, чтобы показать, что я, как и огодногодки, пытался испытать все возможные и невозможные каверзы судьбы, оценивая на прочность ее, а, заодно, и себя (сосед по дому умудрился сломать плечевую кость, упав с дивана).

И все-таки судьба «не обошла» меня. В один из прекрасных летних дней, когда каникулы были в полном разгаре, в общении с одноклассником у него дома умудрился получить частичную ампутацию ногтевых фаланг 3-го и 4-го пальцев левой кисти люком крышки погреба, оцинкованной листовым железом. Все осталось в прошлом: поездка к дому на велосипеде со слезами на глазах и длительное хождение к хирургу в поликлинику на перевязки.

Но это не помешало не только дальнейшей игре на баяне, но и самоучительству в гитарных переборах.

Из «детских» болезней перенес грипп, вирусный гепатит А и острый пиелонефрит. Острая респираторная вирусная инфекция протекала бурно: ртутный столбик термометра подбирался к 41 градусу по Цельсию, сознание затуманива-

лось, начинались галлюцинации. Не дожидаясь вызванной бригады скорой помощи (один раз «скоропомощная» машина прибыла спустя 2 часа после вызова, когда температура у меня стабилизировалась на отметке $36,6^{\circ}\text{C}$, за что и хотели оформить «ложный вызов»), мама прибегала к народным средствам: от полуголого ребенка за версту разило уксусом.

Болезнь пиелонефритом (сказались борцовские азартные игры ранней весной на зеленой траве) мне понравилось больше. В будние дни (родители на работе), лежа в кровати с завязанным на поясище платком из козьего пуха, я предавался своему излюбленному занятию – запоем глотал художественную литературу. Способствовало этому полное отсутствие электронной дребедени (сотовая связь, компьютер, интернет и т. д.). Даже телевидение могло предложить только 2 канала (Центральный и Украинское ТВ), и редкие показы полюбившихся кинофильмов (например, «Белое солнце пустыни» или «Джентльмены удачи») мы предвкушали заранее. Знания же и образование предоставляли только книги!

Длительное заточение (28 дней!) с болезнью Боткина (болезнь грязных рук) с такими же бедами в инфекционном корпусе одной из больниц города принесло двоякую пользу – на всю жизнь запомнил правила элементарной личной гигиены и впервые научился отстаивать место под солнцем с помощью кулаков.

Предпочтение отдавал борьбе самбо, отрабатывая приемы боя вместе с отцом и своими сверстниками по самоучите-

лю с черно-белыми фотографиями. В случае возникновения конфликтов в городке, по вроде бы незначительным причинам, свалить с ног и уж потом надавать мне тумаков могли только трое-четверо, навалившись скопом. Но стоило один из ударов пропустить в нос, как на глазах непроизвольно выступали слезы, а у обидчиков тотчас опускались руки.

Пребывание в больнице научило меня еще одной мудрости жизни. Отсутствие почти в течение месяца на школьных занятиях не позволило подкорректировать средний балл за год по математике, с которой я всегда был не в ладах. Заранее радуясь, как ребенок (а по сути таковым и был), получению в скором будущем очередного похвального листа отличника, не прислушался к совету матери: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь!» Куражась, резко остановился, сказал: «Гоп!» – а потом сделал прыжок. Итогом стала моя первая четверка за год, не спас положение даже сданный на «отлично» экзамен по этому предмету.

Кстати, «в Украине» (мы всегда говорили – на Украине) как в одном из союзных государств СССР экзамены в школе сдавались ежегодно с 5-го класса в различном количестве (в пятом классе – 1; в шестом – 1; в седьмом – 2; в восьмом – 4; в девятом – 2; в десятом – 7). Считаю это более чем правильным: постоянное пребывание в тонусе заставляло настраиваться на мажорный лад к воплощению заветной мечты в жизнь.

Стремясь сэкономить время на выполнении домашних за-

даний, часть из школьников (в том числе и я) занималась этим на уроках украинского языка и литературы. Это привилегированное положение касалось только детей военнослужащих, так как их родителей в любой момент могли перевести куда-нибудь в Таджикистан, а знания там украинского языка были явно ни к чему.

Когда все дела были сделаны, я с удовольствием прислушивался к украинской разговорной речи, а в старших классах даже стал «розмовлять» на уроках украинской литературы, даже зачитывал полюбившиеся «вирши». Это ни в коей мере не касалось правописания (чего стоят только 3 буквы «и»!), но факт остается фактом: первым моим «иностранным» языком (без словаря) стал украинский.

Вспоминается еще два эпизода.

Эпизод 1-й. Третий класс. Обучение проходит во вторую смену. В связи с этим добираться до школы приходится самостоятельно (школьные автобусы из военного городка идут утром). «Муниципальный» двухдверный автобус ЛАЗ, из которого мы, школьники, высыпаемся, как горох, и сразу стремимся перебежать дорогу, чтобы успеть на подошедший трамвай (когда еще следующий будет?). Выскакивая из передней двери, пытаюсь перейти дорогу под носом у водителя (какие там правила дорожного движения!). Буквально в последний момент что-то заставляет остановиться, и в полуметре от меня проносится идущая по второй полосе грузо-

вая машина. На урок не опоздал.

Позже однокласснику повезло меньше. Всем классом присутствовали на похоронах. Хоронили его в закрытом гробу...

Эпизод 2-й. После окончания 7-го класса мы в течение месяца отрабатывали производственную практику в лагере труда и отдыха (ЛТО), помогая стране в уборке плодов и овощей. Имея официальную возможность привезти в семью все, что унесешь в руках, с двумя «авоськами» я пытаюсь перейти автодорогу без оглядки в обе стороны (автобус подходил к остановке, нужно было спешить!). Визг тормозов, ноги от испуга подкосились (припал на одно колено), остановившийся в нескольких метрах автомобиль...

На автобус я все-таки успел!

ГЛАВА 3.

На свете есть только две вещи, от которых срывает крышу, – космос и женщины.

Юлий Буркин.

Последние два года школьного обучения хотел бы рассмотреть отдельно.

Итак, 9-й класс. Все нежелающие продолжать учебу от-

правлены в техникумы и профтехучилища (ПТУ), из двух параллельных классов (А и Б) образован один.

Этот период был относительно спокойным. Музыкальное образование завершено, в качестве задела на будущее прихватил еще один год частного «репетиторства» (сейчас это так называется). Теперь по выходным для услаждения слуха мамы (ванну для купания на кухне сменило корыто для стирки) был вынужден терзать лады и басы в течение 2-3 часов. Иногда играл на баяне прилюдно, сидя на ступенях крыльца дома и развлекая молодежь. Один раз был приглашен на проводы в армию близнецов-погодков, откуда, честно отработав, принес в семью пакет бутербродов и 3 рубля наличных денег. Мама, всплакнув, сказала: «Кормилец».

Пубертатный период (гормональный взрыв!) заставил не только отыскать свою первую возлюбленную (ходить далеко не надо – девушка сидела со мной за одной партой), но и делать все возможное для привлечения ее внимания. Благодаря уже сложившимся дружеским отношениям с заведующей школьной библиотекой Натальей (фамилии и отчества не помню), был допущен в святая-святых библиотеки – хранилище. Неоднократно изъездив верхние и самые пыльные полки, нашел много для себя интересного (например, Санкт-Петербургское издание произведений А.С. Пушкина 1907-го года выпуска, напечатанное со старославянским «Ять»). Произошел всплеск поэтических фантазий, когда наивные строки:

И снова мы будем учиться,
И птицы нам песни поют
На радость великой столице,
В прекрасном и светлом краю

сменились другими, более серьезными:

Пусть будут счастливы они,
И золотые дни свои
Несут навечно. В час терпенья
Услышь меня через года!
Ты – мой восторг, мое мученье.
Люби, как я любил тебя!

Честное слово, это до сих пор мне нравится!

Преподавание начальной военной подготовки заставило не только узнать пять поражающих факторов ядерного оружия, но и полюбить огнестрельное. Неполная разборка и сборка автомата Калашникова делалась за 21 секунду (1-е место по школе – Похвальная грамота). После длительных тренировок в стрельбе из малокалиберной винтовки в тире удалось получить первый наградной значок «Меткий стрелок» (45 очков из 50-ти).

Кроме школьных дел была и домашняя работа. Заключа-

лась она в ежедневной влажной уборке квартиры и мытье грязной посуды, скопившейся за сутки (вода грелась в кастрюле). С целью экономии времени выполнялась она нами с сестрой поочередно, через день. Будучи старшим ребенком в семье, считал себя ответственным за ее воспитание, и если чем-то обижал в одном, то старался прикрыть ее огрехи в другом.

С наступлением дачного сезона все огородные проблемы тоже ложились на нас: копка земли, посадка семян и рассады, 2-х кратный ежедневный полив (при отсутствии должного централизованного водоснабжения летом носили воду ведрами из единственной работающей колонки метров за 300 от дома), своевременный сбор урожая и подготовка земли к зимовке.

Отцу признателен за привитую любовь к работе с древесиной («дерево ласку любит»). Позже полученное теоретически-практическое образование на учебно-производственном комбинате (УПК, была и такая структура в школьной реформе) по специальности «слесарь-монтажник 2-го разряда» не смогло перебить пристрастие к мягкому строительному материалу, последнее преобладает и по сей день.

А еще он привил мне страсть к рыбалке. С вечера собрав в кучу самодельные удилища, вырезанные из акации (бабукковые были в большом дефиците), загодя заготовив вещмешок с продуктами, питьевой водой и тестом, слепленном на яичном желтке (навозных червей из принципа не копали)

моими руками (руки отца пахли табаком), мы еще по темноте уходили на целый день на «ставок» (так называлось искусственно созданное водохранилище) за карасями. С блаженной улыбкой на лице я засыпал вечером, а перед глазами мельтешил прыгающий при поклевке поплавок.

Мама вспомнила о пробеле в воспитании – я не умел плавать. Считая, что это в жизни всегда может пригодиться, в течение полугода, вместе с ней, по вечерам посещал Дворец спорта «Метеор» (а путь к нему был неблизок). Пока в течение часа мама ожидала в вестибюле, я, до и после, отмывшись в душе от хлорного привкуса, постигал науку «держаться на воде». Тренер мне попался своеобразный – одна рука его была ампутирована по верхнюю треть плеча.

Гораздо позже встретил 11-ти летнего ребенка с аналогичной травмой, который, несмотря на это, чувствовал себя в воде, как рыба. И понял, что совершенству предела нет!

После окончания 9-го класса по инициативе преподавателя по географии Петра Григорьевича (трижды – восхождение на Казбек) все желающие (набралось 12 человек) отправились в туристический поход, состоявший из двух этапов. На первом наша группа должна была пешком дойти до поселка Кобеяки соседней, Полтавской, области, «отметиться» в местном историческом музее (не помню, чем он знаменателен, но нагрудный значок-герб этого поселка до сих пор у меня в наличии). После ночевки в палатках на берегу реки Ворскла (мелкая, но с быстрым течением) мы на автобусе

должны были отбыть в город Новомосковск Днепропетровской области, и провести три незабываемых дня на берегу Самары (приток Днепра).

Первый этап прошел без приключений. После прибытия на Самару, разбив лагерь, мы пошли купаться. Ширина притока на первый взгляд была не более 150-ти метров (или мне так показалось?). Вместе с тремя друзьями смог добраться до высокого противоположного берега. После непродолжительного отдыха было решено плыть обратно. Владея только стилем брасс, выматывающим до изнеможения, сил на обратный заплыв у меня не оставалось. После робкой попытки найти переправу в виде моста на ту сторону и появившегося с грозным видом преподавателя географии («метр с кепкой», но как он красочно, нелексиконно выражался, бегая по берегу) был вынужден снова войти в воду и плыть в обратном направлении. Как доплыл – не помню, приливная волна просто выбросила на песчаный берег. Распластавшись на песке, как «протоплазма», слушая довольное «угуканье» Петра Григорьевича, понял, что выжил!!!

После похода всем участникам был торжественно вручен нагрудный знак «Турист СССР».

ГЛАВА 4.

(Продолжение)

К началу учебы в 10-м классе (1983-84 учебные года) окончательно сформировалась мечта о будущей профессии – стать врачом. Н а этот период при поступлении в любой ВУЗ учитывался так называемый «средний балл», включающий в себя общую сумму оценок по ряду школьных предметов, разделенную на их количество. К сожалению, две «четверки» в будущем аттестате, полученные за 8-й класс, исправить было уже невозможно. Преподаватель по черчению, контуженный во время Великой Отечественной, ставил только отличные отметки и «два с плюсом» – «два с медалью». Так что здесь я отделался легким испугом, заработав стабильное «хорошо».

Перед получением годовой оценки по русскому языку обнаружилось, что в журнале напротив моей фамилии появилась лишняя четверка, которой просто быть не могло (перестарались одноклассники с нелегальной коррекцией своих оценок, а я попал «под раздачу» случайно). Преподаватель оказался принципиальным, сказал, что исправлять ничего не будет, а «спасибо» я должен сказать своим «друзьям».

Итак, цели поставлены, задачи нужно было воплощать в жизнь. Основное внимание в самообразовании обращалось на физику, химию и биологию – профилирующие предметы для медицины.

9-ти месячные платные подготовительные курсы – по три дня в неделю в вечернее время по этим предметам (включая и русский язык), а также активное участие в школьных

олимпиадах позволили спокойно подойти к выпускным экзаменам. Максимальными школьными достижениями считаю второе место на областной олимпиаде по биологии и вхождение в первую десятку на городских олимпиадах по физике и химии.

Стремление нравиться женщинам, а точнее, «единственной и неповторимой», сидевшей за одной со мной партой по левую руку, повлияло на активное занятие спортом.

Благодаря баскетболу и волейболу заметно подрос (вместо предпоследнего места в шеренге при построении на занятия стал занимать пятое с конца). Выносливость и мужественность пришли позже, когда, по счастливой случайности, мы, пацаны-разногодки, околачиваясь на территории воинской части, забрели в спортзал и увидели человека в белом кимоно, который «творил сказку» верхними и нижними конечностями. Так мы вживую увидели каратиста (более грамотно – каратэиста), милостиво согласившегося стать нашим первым сэнсеєм (учителем).

Александр Шамшин, человек с комплексом заики (где-то такое уже встречалось?), родом из Подмоскoвья, проходил срочную воинскую службу в роте охраны данной части (через сутки – в караул) и смог, при самосовершенствовании, уделять нам три двухчасовых занятия в неделю. Как мы старались овладеть навыками боевого искусства, в то время запрещенного! Легкая разминка перед занятиями (5-ти километровый кросс), физические упражнения (на спортив-

ных снарядах и силовые), красивые показательные выступления (так называемые «каты») и жестокий спарринг «в полный контакт» позволили буквально за год получить (пусть и неофициально) оранжевый пояс отличия в этой борьбе, что соответствовало, приблизительно, 5-ой категории из выделяемых 12-ти данов. Черным поясом каратэ (мастер) и двенадцатым даном владело всего три человека в мире, одним из которых был «угнетатель» Чили – Пиночет (действительно что-то мог или купил?). Кроме того, подготовка включала владение всеми видами холодного оружия (ножи, топоры различных модификаций, саперные лопатки и т. д.), что тоже было неплохо. Несколько лет спустя занятия продолжились при Доме офицеров Смоленска, что, в дальнейшем, помогло перенести «все тяготы и лишения» уже моей воинской службы.

В выпускном классе было принято организовывать новогоднее представление. Чувствуя себя все более уверенным во всех отношениях, вместе с одноклассником, буквально за неделю написал сценарий «Новогодней сказки на новый лад». Тогда же решил признаться в своих чувствах «первой любви». Признался. Чувства не приняли. В сердцах ушел раньше, неосторожно встретился с тремя любителями острых ощущений местного значения. Отбился без потерь. Тогда-то и понял, что уже что-то умею. Это было первым серьезным испытанием после многочисленных тренировок.

Не поверите: в неполных 16 лет не умел танцевать! Перед

выпускным вечером был вынужден брать уроки медленно-го танца у соавтора по новогоднему сценарию. Вместо приглашения кивком головы дамы на тур автоматически получалось приглашение «противника» к спаррингу. Ничего, и этому научился. А уж дергаться на танцполе под «Веселых утят» – ума много не надо.

В аттестате о среднем образовании фигурировало 4 четверки. Две из них за 8-й класс (по черчению и русскому языку) изменить уже не мог (смотри выше), остальные приходились на алгебру и геометрию. В точных науках никогда силен не был. Алла Ивановна (преподаватель математики и наш классный руководитель), скрепя сердце, поставила четверку по геометрии, мотивируя это тем, что я «не засвечусь» ни в одном из технических ВУЗов и не опозорю ее своими знаниями. Не засветился и не опозорил!

С вымученным средним баллом в 4,75 подошла пора поступать в мединститут. Стремясь освободиться от опеки родителей, сразу заявил, что поступать буду только в Смоленске. Поэтому всей семье пришлось совершить внеочередной вояж дважды: для сдачи документов и вступительных экзаменов.

После всех переживаний отбыли в Днепропетровск – ожидать решения приемной комиссии, которое должны были выслать официальным письмом. К концу августа, когда ближайшее будущее всех одноклассников окончательно определилось, а у меня оставалось неизвестным, и, стремясь к кон-

кретике, по собственной инициативе вернулся в Смоленск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.